

Гу Сяодун вернулся в Академию Широкого Благодеяния только тридцатого числа первого месяца. До этого они с Су Миньей на целые сутки укрылись в Покоях Яркой Свечи, проспав без просыпи с заката до рассвета. Днем Сяодун лениво нежился в объятиях Миньи, наблюдая, как тот читает и выводит иероглифы. Он все время дремал, сонной хваткой сжимая свободную левую руку Су Миньи и безмолвно проверяя его пульс.

Су Минья позволял ему ластиться к себе. Сам он быстро просматривал прошлогодние налоговые книги Министерства доходов, время от времени свободной правой рукой легонько лаская юношу. Когда Гу Сяодун в очередной раз сладко зевнул, Минья невольно провел ладонью по его предплечью и слегка нахмурился.

— Почему здесь до сих пор виден шрам? — тихо спросил он.

Кожа Гу Сяодуна, чистая и гладкая, словно драгоценный нефрит, имела лишь одно изъяние — шрам на левой руке, оставшийся два года назад из-за стычки с Юэ Сюньчжи. Лишь тогда Су Минья узнал, что раны на теле Сяодуна затягиваются дольше обычного. Он скупал для него самые редкие целебные снадобья, но тогда ему оставалось лишь бессильно смотреть, как повязка на левом предплечье раз за разом медленно пропитывается алой кровью.

— Наверное, просто плохо заживает, — уклонился от расспросов Гу Сяодун и слегка отдернул руку. Тут же чихнув, он опустил взгляд на ладонь Су Миньи, которая успела скользнуть под его одежду, и невинно уставился на него снизу вверх: — Молодой господин Су, вы опять за свое. Холодно же, перестаньте.

Су Минья, будто обжегшись, тут же убрал руку, бережно оправил ворот его одеяний и, крепко, но осторожно прижав к себе, тихо рассмеялся:

— Какой же ты неженка, Сяодун.

Гу Сяодун поуютнее устроился в его объятиях и, сладко зевая, пробормотал:

— Вовсе нет. Да если вы сейчас велите мне таскать навоз, я ради вас всю улицу ведрами заставлю.

Су Минья лишился дара речи.

Гу Сяодун принялся лениво перебирать пальцы его левой руки, словно играл на цине, и сонно заболтал:

— В ваших объятиях теперь так тепло, молодой господин Су. А раньше вы были то ледяным, то горячим, как в лихорадке. Как же хорошо, что вы наконец поправились.

Су Минья тихонько угукнул:

— Теперь меня приятнее обнимать?

Гу Сяодун подтвердил, что приятнее, и тут же поплатился за это — его крепко прижали и осыпали поцелуями. Воздуха вскоре стало не хватать. Сколько бы раз они ни целовались, Сяодун неизменно начинал слабо похлопывать Минью по плечу, вымаливая пощаду. Но Су Минья обожал глубокие, долгие поцелуи, так что Сяодуну оставалось лишь покорно приоткрывать рот, позволяя полностью подчинить себя чужой властной нежности.

Но сейчас, продолжая улавливать ровное биение пульса Су Миньи, он чувствовал, как на языке вертятся слова, которые никак не получалось произнести. Даже поцелуи не смогли выветрить их из головы.

Когда Су Минья наконец отстранился, Гу Сяодун выпустил его левую руку. Понутив голову, он крепко обнял мужчину за талию, чувствуя, как щемит сердце от мысли, что пора поставить точку в их отношениях.

«Молодой господин Су, теперь вы целы и невредимы...»

Фраза «давай на этом закончим» застряла у него в горле.

— Раньше мне казалось, что из-за болезни у меня нет будущего, — Су Минья не заметил душевного смятения, охватившего юношу. Он продолжал ласково гладить его по спине. — Теперь мне лучше, но я ловлю себя на мысли, что порой скучаю по той болезненной отрешенности от мира. В этом году мне предстоит много разъезжать, в Академии я вряд ли смогу задерживаться надолго. Сяодун, если я вдруг поступлю как-то не так, не сердись на меня и не заставляй томиться в неведении. Приходи почаще в Бамбуковый дворик или сюда, жди меня, хорошо?

Гу Сяодун опешил. Собственные невеселые мысли мигом вылетели у него из головы, уступив место тревоге:

— Вам придется уезжать далеко? Прямо как Цзинью? Он вечно мотается по дальним областям и городам, встает раньше петухов, ложится позже собак и вечно ночует где придется, под открытым небом.

Мягкая, умиротворяющая нежность, исходившая от Су Миньи, мгновенно испарилась. По сей день его затаенная враждебность к Гу Цзинью ничуть не угасла — напротив, она была на грани того, чтобы перерасти в открытую неприязнь.

Стоящий за его спиной клан Су из поколения в поколение поддерживал Восточный дворец. Даже в нынешнем поколении, несмотря на влияние Вдовствующей благородной супруги Су и Четвертой принцессы, клан Су оставался непоколебим в своей верности Наследной принцессе, давным-давно разорвав любые связи со Вторым принцем. Однако в нынешнем поколении влияние Гу Цзинью практически затмило пользу, которую приносил двору клан Су. К счастью

для последних, князь Чжэньбэй, Гу Янь, строго придерживался нейтралитета, иначе клан Гу давно бы потеснил Су на политической арене.

Кроме того, клан Су поддерживал союзнические отношения с кланом Юэ — родственниками Наследной принцессы по материнской линии. И даже зная, что среди Юэ полно никчемных глупцов, они были вынуждены тянуть их за собой.

Именно по этой причине Су Минья мог держать в узде даже Мастера Призрачного Клинка, Гуань Юньцзи, но не имел возможности в открытую конфликтовать с ничтожествами из клана Юэ.

Два года назад ублюдок Юэ Сюньчжи пытался силой принудить Гу Сяодуна к покорности — наполовину из похоти, наполовину ради явной провокации, и Су Минье тогда пришлось молча проглотить эту обиду.

Гэ Дунчэнь, чей клан сблизился со Вторым принцем, без колебаний выставил вражду с фракцией Наследной принцессы напоказ. Только благодаря этому он смог открыто и прилюдно избить Юэ Сюньчжи в военном лагере. Но даже тогда это была лишь жестокая трепка ценой собственных увечий.

На самом деле левую руку Юэ Сюньчжи сломал именно Гу Цзиньюй. У Цзиньюя хватало дерзости плевать на клан Юэ: чем меньше он оглядывался на условности Восточного дворца, тем выше ценилось его личное покровительство.

Но больше всего Су Минью бесило то, что Гу Цзиньюй при личной встрече без обиняков дал ему понять: он по-прежнему нацелен на Гу Сяодуна.

Подобное соперничество с сильным соперником утомляло.

Впрочем, сейчас это глухое раздражение отступило, стоило Минье взглянуть на свое сокровище, мирно пригревшееся у него на груди.

Гу Сяодун, далекий от этих тонких придворных интриг и негласной борьбы за власть, лишь перебирал в памяти прошлое, вспоминая детали, на которые сами его участники давно махнули рукой:

— А еще брат Дунчэнь. В прошлом году он больше двух месяцев провел на юге. Вернулся загорелым, вытянулся, возмужал — в одночасье превратился в настоящего здоровяка. И ведь чуть ногу там не сломал, приехал весь израненный, живого места на нем не было.

При упоминании Гэ Дунчэня лицо Су Миньи помрачнело еще сильнее. Возможно, между ним и Гу Цзиньюем не было ничего общего, за исключением одного — они оба люто ненавидели этого выскочку из клана Гэ. И сдерживало их лишь уважение к авторитету его отца.

Минья считал Гу Сяодуна своим вот уже четыре года. Даже Гу Цзиньюй знал меру и не переступал черту, ограничиваясь лишь мрачной слежкой из тени. Но у Гэ Дунчэня, казалось, вообще не существовало никаких рамок морали. Стоило ему улечь момент, как он принимался распускать руки, тайно лаская Сяодуна, будто одержимый чужими женами.

А этот глупый простофиля Сяодун продолжал искренне считать его своим близким другом. Поначалу Су Минья находил наивность юноши забавной, но за последние два года его собственнический инстинкт окреп настолько, что терпеть подобные поползновения стало невыносимо.

Конечно, он не мог прямо заявить Сяодуну о домогательствах Гэ Дунчэня — иначе пришлось бы признать, что его собственное покровительство до сих пор было сопряжено с малодушным попустительством. Ему оставалось лишь раз за разом туманно намекать глупцу, чтобы тот держался от этого типа подальше.

— Молодой господин Су, вам ведь не придется, как им, мотаться по всей стране?

Су Минья опустил взгляд и, встретившись с его встревоженными глазами, почувствовал, как раздражение окончательно угасает.

— Все в порядке, не изводи себя понапрасну. Мои дела в основном сосредоточены здесь, в Чанло.

— Но Чанло тоже огромный! — вздохнул Гу Сяодун. — Там на каждом шагу хитрые лисы, вам наверняка придется постоянно держать ухо востро и все просчитывать. Вот вернусь и обязательно составлю для вас рецепт отвара, чтобы успокаивать разум и даровать крепкий сон.

— Наш Сяодун действительно вознамерился стать лекарем? — ласково улыбнулся Су Минья. — Что ж, пусть будет так. Можешь лечить меня одного.

Гу Сяодун серьезно посмотрел на него:

— Что бы ни принесло будущее, сейчас вы — мой самый первый больной. Раньше вы были болезненным красавцем, а теперь стали благополучным.

Сердце Су Минья сладко заныло. Он бережно обхватил его лицо ладонями и негромко произнес:

— В этом году мне предстоит лишь одна поездка за пределы города — на императорскую зимнюю охоту в двенадцатом месяце. Сяодун, поедешь со мной? Обещаю, мы будем скакать верхом и любоваться звездами во всю ширь ночного неба.

У Гу Сяодуна даже дух захватило. Из всей тирады он вычленил лишь главное:

— За пределы... за пределы города?!

— Да, на зимнюю охоту к горе Белых Ключей. Ты ведь так давно мечтаешь выбраться на волю? Держись меня, и я отвезу тебя куда пожелаешь.

Для Гу Сяодуна это искушение оказалось непреодолимым. Пусть весна только вступала в свои права, его сердце уже замирало в предвкушении зимы:

— Невероятно... Я уже пять лет не покидал Чанло. Да что там город, я из княжеского поместья выбирался всего пару раз. Молодой господин Су, вы правда сможете взять меня с собой?

Стоило Гу Сяодуну увидеть лазейку, как он расцветал ярче весеннего солнца. Ему так захотелось уцепиться за эту долгожданную возможность, что все мысли о расставании с влиятельным господином Су мигом испарились.

Он теснее прижался к Су Минье, уткнулся подбородком в его грудь и уставился на него сияющими глазами, словно боясь, что тот возьмет свои слова обратно. Сяодун затараторил от волнения:

— Сами пообещали, так что извольте взять меня с собой! Я ведь гору Белых Ключей видел лишь мельком, когда пять лет назад въезжал в город. Цзиньюй рассказывал, что это императорские охотничьи угодья, которыми ваш клан Су заведует от имени правящей династии. Сам он еще мальчишкой с луком за плечами участвовал в зимней охоте. Но я ведь не он, у меня ни титулов, ни положения, один позор на всю округу. В поместье Гу меня всегда держали под замком. Сколько раз за эти годы устраивали весеннюю и осеннюю охоту, а меня и близко не подпускали. Цзиньюй тоже обещал когда-нибудь взять меня, но у него самого забот невпроворот, не хочу обременять его... А вы...

Лед в душе Су Миньи окончательно растаял. Не в силах сдерживаться, он крепче сжал его в объятиях и твердо пообещал:

— Я обязательно возьму тебя с собой. Насчет князя Чжэньбэй и княгини не беспокойся, я сам поговорю с ними и все улажу.

Лицо Гу Сяодуна озарилось неподдельным счастьем. Су Минья уже потянулся было к его губам, но юноша, словно ласковый теленок, с разбегу повалил его на пол. Он растянулся прямо поверх мужчины и звонко, раскатисто расхохотался от переполнявшего его восторга.

Су Минья лишь безмолвно улыбнулся.

Все тот же милый, славный ребенок.

К сумеркам Гу Сяодун вернулся в Академию Широкого Благодеяния. Он со всех ног бросился к конуре и сгреб в охапку поскуливавшего от восторга черно-белого щенка. Тот отчаянно вилял хвостом, пока Сяодун высоко поднимал его над головой, расплываясь в улыбке до ушей.

Завидев его в столь приподнятом расположении духа, Фэнъэнь и Фэнхуань переглянулись и одновременно облегченно перевели дух.

Когда этот молодой господин пребывал в добром здравии и хорошем настроении, остальные господа вели себя тише воды, ниже травы. Стоило же ему загрустить, как все вокруг замирали от ужаса.

Фэнъэнь отправился собирать учебные принадлежности к завтрашним занятиям, а Фэнхуань с улыбкой наблюдал за Сяодуном. Тот кружил по комнате со щенком на руках, а затем принялся хлопотать над его кормежкой. Сам еще маковой росинки во рту не держал, а уже вовсю воспитывал питомца.

— Сяо Пэй, давай, кушай получше и расти скорее, зимой дядя возьмет тебя за город, — приговаривал Гу Сяодун, щедро подливая молока в миску и тихонько делясь со щенком своей радостью. — Я оседлаю своего пони Легкий бег, и вы вместе будете резвиться на заснеженных просторах. А как замерзнете — вернемся греться...

Сяо Пэй забавно затрепетал ушами, будто и впрямь все понял, и принялся так усердно лакать, что вся его мордочка оказалась в белой пене.

Гу Сяодун уселся прямо на пол, с умилением наблюдая за этой картиной. В этот момент за дверью послышались приветственные голоса слуг, а затем раздался знакомый, слегка насмешливый голос:

— Ого, откуда здесь взялся этот щенок?

Гу Сяодун поднялся на ноги, отряхивая полы своего белоснежного одеяния, которое мягко подсвечивали багровые лучи заходящего солнца. Улыбнувшись вошедшему, он весело отозвался:

— Явился не запылится. Спорим, пришел пошакалить у меня в тарелке?

Гэ Дунчэнь, прищурившись, шагнул в комнату:

— Чистая правда! Надеюсь, двоюродный брат Гу выделит мне плошку риса? Умираю с голоду. Завтра снова за парту, если сегодня не набью брюхо, то совсем исхудаю. А исхудающему мне прямая дорога в задохлики.

Гу Сяодун невольно рассмеялся. Гэ Дунчэнь оставался верен себе — вечно скитался,

перебиваясь случайными обедами то у одних, то у других. У него не было постоянного пристанища, и он, как и сам Сяодун, терпеть не мог одиночества. Юноше стало его немного жаль. Он помог Фэнхуаню накрыть на стол, и еще до того, как комнату поглотил ночной сумрак, они уселись ужинать.

Уходя от Су Миньи, Сяодун прихватил с собой коробочку пирожных в форме почек мускатного ореха, приготовленных поварами Башни Сбора Звёзд. Решив, что лакомиться в одиночку негоже, он щедро выставил угощение на стол.

Гэ Дунчэнь, склонив голову набок, с улыбкой оглядел сладости:

— Мускат — это прекрасно. «Стройна и легка, чуть за тринадцать лет, на кончике ветви мускатной — бутон в начале весны...» А нашему Сяодуну уже за семнадцать.

С этими словами он в один миг умял все пирожные до единого.

— Мог бы хоть одно мне оставить, — со смехом покачал головой Гу Сяодун. — Ишь, стихи он декламирует. Брат Дунчэнь, мы во Дворе учеников, так что оставь свои уличные ухаживания за порогом.

— Хм? — Гэ Дунчэнь с трудом проглотил приторно-сладкое лакомство, мысленно проклиная паршивый вкус этого чистоплюя Су и гадая, какой мерзавец успел очернить его имя. — О чем это ты? Мой дорогой кузен, если бы твой брат Дунчэнь действительно вел столь разгульную жизнь, ему бы не приходилось трижды проходить мимо родного порога и побираться у чужих столов.

Он умел ненавязчиво набиваться на жалость, и Гу Сяодун послушно поддавался на эту уловку.

Впрочем, Гэ Дунчэнь и не подозревал, что притворяться ему вовсе не обязательно. Гу Сяодун и без того видел его неприкаянность и искренне сочувствовал ему.

— Ладно тебе, садись ужинать, — примирительно отозвался Сяодун.

Дунчэнь набросился на еду с тем же рвением, с каким щенок Сяо Пэй лакал молоко, и в мгновение ока подчистил все тарелки.

Утолив голод, он с довольной улыбкой уставился на Гу Сяодуна:

— Так все-таки, какие слухи обо мне ходят? В чем заключается моя «удаль»?

Гу Сяодун, проверив, как там Сяо Пэй, покосился на неотступно следовавшего за ним Гэ Дунчэня. Тот сейчас донельзя напоминал преданного пса, отчего на душе у юноши сделалось

немного неловко.

— Ну... до меня из разных источников доносились слухи, будто ты ведешь весьма праздный образ жизни. Говорят, репутация у тебя сомнительная, а за пределами Академии ты только и делаешь, что волочишься за юбками. Ты смотри, как бы в один прекрасный день не проснуться отцом семейства.

Гэ Дунчэнь удивленно приподнял бровь:

— Что?

Гу Сяодун с самым серьезным и участливым видом протянул руку:

— Давай сюда ладонь. Позволь мне проверить твой пульс, вдруг подцепил чего.

Гэ Дунчэнь знал, что Сяодун учился врачеванию по книгам, которые ему доставал Су Минья. Он терпеть не мог, когда юноша пытался практиковаться на нем. В прошлом году, когда он вернулся во Двор учеников весь избитый, Сяодун с первого взгляда определил у него внутренние повреждения, заставив Дунчэня сгореть со стыда.

Он поспешно завел руки за спину и покачал головой:

— Твой брат Дунчэнь в полном порядке.

— Ладно, — Гу Сяодун разочарованно почесал макушку. — Но ты все равно береги себя, не пускайся во все тяжкие. Не ровен час подхватишь какую-нибудь заразу.

Гэ Дунчэнь с минуту переваривал его слова, а когда до него наконец дошел истинный смысл предупреждения, он так и прыснул со смеху.

В последнее время он действительно сблизился со Вторым принцем, Гао Минцянем. Тот слыл знатным ходоком и обожал таскать за собой свиту по значным местам. Дунчэню волей-неволей пришлось составить ему компанию пару раз. Очевидно, какой-то завистливый мерзавец воспользовался этим, чтобы очернить его в глазах Сяодуна.

Скрывая ухмылку, он шагнул вплотную к юноше и заговорщически прошептал ему на ухо:

— Кузен, открою тебе один секрет.

Гу Сяодун попытался унять Сяо Пэя, который внезапно залился яростным лаем, косясь на гостя:

— Какой еще секрет?

— Мой дорогой Шаньцин, можешь спать спокойно. В отличие от тебя, твой старший брат до сих пор чист и невинен, как младенец. И планирует оставаться таким еще очень долго.

Гу Сяодун лишился дара речи.

Язык у Гэ Дунчэня был без костей, а слова разили наповал. Редкий ядовитый мерзавец.

Дунчэнь пристально следил за выражением лица юноши. Обнаружив нечто крайне забавное, он заговорщически понизил голос:

— Да ладно... Только не говори мне, что твой господин Су... несостоятелен в постели?

Гу Сяодун мгновенно посерьезнел и предостерегающе указал на него пальцем:

— Пускай другие чешут языками обо мне, мне плевать. Но о молодом господине Су я распространять небылицы не позволю. Особенно тебе. Хватит дурацких шуточек на наш счет.

Стоило ему ослабить хватку, как Сяо Пэй пулей метнулся к Гэ Дунчэню, вцепился зубами в полу его халата и принялся остервенело тянуть назад, словно вознамерился разорвать наглеца в клочья.

Гэ Дунчэнь на мгновение опешил от столь непривычной суровости в голосе Сяодуна. На долю секунды его сердце пропустило удар от легкого испуга, но следом пришло другое чувство: сердитый Гу Сяодун выглядел необычайно привлекательно и даже волнующе.

— Ладно-ладно, признаю свою вину. Виноват, каюсь, — Гэ Дунчэнь с ухмылкой шутливо похлопал себя по щекам. — Если этого мало, можешь натравить на меня своего свирепого зверя. Пусть откусит от моего лица кусочек на память, идет?

Гу Сяодун, заметив неладное, поспешно подхватил щенка на руки, прижал к себе и принялся ласково гладить по шерстке, недоумевая:

— И с чего это Сяо Пэй так взъелся на тебя?

Гэ Дунчэнь с любопытством протянул руку, пытаясь ухватить щенка за ухо:

— Значит, его зовут Сяо Пэй? Подходящее имя. Откуда приволокли это чудо природы? Смешной комок шерсти.

Гу Сяодун снова не удержался от смеха. Приподняв питомца, он демонстративно помахал его лапкой перед лицом гостя:

— Между прочим, это мой племянник! Особая порода из Северных земель!

Услышав это, Гэ Дунчэнь мгновенно утратил к щенку всякий интерес. На его лице по-прежнему играла фальшивая улыбка, но в душе закипела злость:

«Значит, подарок четвертого молодого господина? Неудивительно, что этот пес так ластится к тебе и скалится на меня»

Он ни капли не сомневался, что коварный Гу Цзиньюй перед тем, как вручить щенка Сяодуну, усердно давал ему обнюхивать вещи хозяина, чтобы привить собаке исключительную преданность.

А самого Дунчэня и Су Минью этот негодяй наверняка научил щенка ненавидеть на инстинктивном уровне.

Впрочем, Гу Сяодун о подобных тонкостях не задумывался. Он лишь с гордостью поинтересовался, находит ли Дунчэнь малыша милым:

— Сяо Пэй просто еще не привык к незнакомцам, оттого и сердится. Иди сюда, дай ему лапу. Цзиньюй уверяет, что он невероятно сообразительный. Разок прикоснешься — и он тебя запомнит.

Гэ Дунчэнь продолжал держать руки за спиной, вежливо улыбаясь, пока не услышал тихий голос Сяодуна:

— Родина Сяо Пэя — Северные земли, а твоя вторая родина — Южные. Вы оба здесь чужаки. Разве это не удивительная судьба?

У Гэ Дунчэня дрогнули веки. На мгновение ему показалось, будто его ласково и бережно обняли.

Он нерешительно протянул свою широкую, огрубевшую от тренировок ладонь. Гу Сяодун аккуратно взял маленькую розовую лапку Сяо Пэя и прижал ее к его пальцам. Дунчэнь осторожно сжал крошечную пушистую лапку. Щенок недовольно попискивал, но мужчина не сводил глаз с сияющего лица Сяодуна.

— Сяо Пэй, Сяо Пэй, ты ведь тоже рад знакомству? — смеялся юноша.

Гу Сяодун весело уткнулся носом в мордочку щенка, шутливо качая головой из стороны в

сторону. Сяо Пэй преданно лизнул его в щеку и наконец перестал скулить.

Гэ Дунчэнь шумно сглотнул. Стоило Сяодуну отстраниться, как он попытался повторить этот жест и потянулся к щенку, но едва не лишился кончика носа — мелкий пакостник клацнул зубами у самого его лица.

Гу Сяодун покатился со смеху, крепче прижимая к себе пушистый комок. Сяо Пэй, словно заправский хитрец, жалобно заскулил и забился поглубже в его объятия, ища защиты.

— Ну все, ты пропал! — давясь от смеха, выдавил Сяодун. — Сразу видно: людям ты нравишься, а вот собаки тебя на дух не переносят. Держись-ка лучше подальше от моего питомца, не то раздерет тебе физиономию, а виноватыми опять нас сделаешь...

«Проклятая тварь!» — мысленно выругался Гэ Дунчэнь.

Ублюдок Гу Цзиньюй вырастил настоящее чудовище.

Однако вслух он произнес с неизменной улыбкой:

— Но ты ведь сам сказал, что мы оба — пришельцы в этих краях. Раз уж судьба свела нас здесь, я просто обязан подружиться с этим разбойником. Буду заходить к тебе почаще, попробую задобрить его лакомствами. Глядишь, однажды он и мне позволит держать себя на руках и чесать за ушком.

Прикасаюсь к тому, чего касался Гу Сяодун, делить тепло через это маленькое существо — в этой игре определенно крылась особая прелесть.

— Прямо как... — в памяти Гу Сяодуна всплыли картины прошлого. — Прямо как в детстве, когда ты приручил Взгляд на север, боевого коня Цзиньюя? Теперь решил проделать то же самое с его щенком?

У Гэ Дунчэня снова дрогнули веки:

— Ты и это помнишь?

— Конечно, — Гу Сяодун прижал спящего щенка к груди и с улыбкой посмотрел на него. — Вы все трое стоите друг друга. С пеленок соперничаете. Вроде бы близкие друзья, вместе росли, а на деле — в лицо улыбаетесь, а за спиной только ищете повод уколоть побольнее.

Гэ Дунчэнь на мгновение умолк, а затем негромко вздохнул, мягко попеняв его:

— Опять наш Сяодун все подметил. Ладно бы просто заметил, но зачем же говорить об этом вслух? В нашем мире выживает тот, кто умеет хранить недомолвки. Так всегда остается путь к отступлению.

— Тебе действительно это нужно? — покачал головой Гу Сяодун. — А я предпочитаю говорить начистоту. Так намного проще жить. Ладно-ладно, прости мою болтливость, вечно я ляпну глупость. Обещаю исправиться, — с этими словами он взял лапку сонного Сяо Пэя и приложил ее к своим губам, притворившись, будто наказывает себя, хотя на самом деле просто нежно поцеловал крошечную подушечку.

Гэ Дунчэнь заворуженно наблюдал за ним несколько секунд, а затем тихо рассмеялся, возвращаясь к прежней теме:

— Разве это болтливость? В мире полно по-настоящему злых языков. Из-за них страдает и моя репутация, и твое доброе имя. Но мне все равно. Даже если весь мир отвернется от меня, у меня всегда останешься ты, Сяодун.

— Не надо глупостей, — Гу Сяодун поспешно замахал свободной рукой. — Мои грехи — это моя забота, не смей мараться обо меня. Катиться по наклонной легко, но ты должен стремиться вверх, а не падать на дно. Я и без того погряз в дурной славе, и если мое присутствие вредит тебе, я лучше прекращу с тобой общаться. Я хочу, чтобы в глазах общества ты оставался достойным, благородным молодым генералом.

— Подумаешь, молодой генерал, — усмехнулся Дунчэнь. — Лучше сразу метить в великие полководцы.

— Что ж, тогда желаю тебе стать самым грозным и прославленным полководцем поднебесной, — искренне улыбнулся Гу Сяодун. — Чтобы мог возвращаться домой когда пожелаешь и смотреть на свои родные южные земли.

Гэ Дунчэнь на секунду замер, а затем негромко ответил:

— Договорились.

Тогда он еще не знал, что в будущем ему останется лишь тоскливо смотреть на север.